

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения



Иван Сергеевич Аксаков

Где органическая сила России?

«„Биржевым Ведомостям“ не понравилась наша статья об евреях, – именно та статья, в которой мы доказываем, и, как кажется, доказали довольно ясно, всю нелепость названия „Русские Моисеева закона“ и всю тщету усилий выделить идею народной (православной) веры из идеи русской народности. Что „Биржевым Ведомостям“ статья наша пришлась не по сердцу, это совершенно в порядке вещей и нас нимало не удивляет: признаться сказать, мы бы даже несколько смутились, если б случилось противное, – если бы, например, они удостоили нас своим сочувствием или похвалою: до такой степени убеждения „Дня“ постоянно противоположны духу и направлению сей почтенной газеты...»

Иван Сергеевич Аксаков
Где органическая сила
России?

«Биржевым Ведомостям» не понравилась наша статья об евреях, — именно та статья, в которой мы доказываем, и, как кажется, доказали довольно ясно, всю нелепость названия «Русские Моисеева закона» и всю тщету усилий выделить идею народной (православной) веры из идеи русской народности. Что «Биржевым Ведомостям» статья наша пришлась не по сердцу, это совершенно в порядке вещей и нас нимало не удивляет: признаться сказать, мы бы даже несколько смутились, если б случилось противное, — если бы, например, они удостоили нас своим сочувствием или похвалою: до такой степени убеждения «Дня» постоянно противоположны духу и направлению сей почтенной газеты. На этом основании мы бы сочли совершенно излишним возражать на статью «Биржевых Ведомостей» в 216 Мо, если б не отражались в ней некоторые ходячие в нашем обществе приговоры и формулы, если б мнения, ею высказанные, носили на себе личный, «Биржевым Ведомостям» только свойственный, а не общий типический характер господствующих в Петербурге мнений.

Впрочем, отметим вкратце некоторые доводы, часть изобретения которых принадлежит, по всей справедливости, никому другому, как самим «Биржевым Ведомостям», – до которых почтенная газета, должно быть, «дошла собственным умом», как Земляника у Гоголя в «Ревизоре». Мы говорили в статье нашей – просим читателей вспомнить – об участии религии как исторического просветительного и общественного начала в образовании национального духа и указали на Западный край, в котором различие вероисповеданий служит единственным основанием для определения национальности лиц, несмотря на общее их происхождение. Это до такой степени верно, что родные братья и сестры, принадлежа к различным вероисповеданиям, принадлежат в то же время и к различным национальностям. Известно, что до обнародования в Западном крае нового закона, в силу которого дети, рожденные от брака иноверцев с православными в России, должны быть крещены в православной вере, действовало там иное постановление, требовавшее, чтоб сын был одного вероисповедания с отцом, а

дочь – с матерью. В Западной России, поэтому, не редкость встретить семейства (и мы сами знавали такие), где братья католики, а сестры православные, и наоборот. И что же? Первые и сами себя считают и от всех других считаются поляками, а вторые – родные их сестры – считаются и считают себя русскими, или же наоборот, смотря по вере, – и ни те, ни другие нисколько в этом наименовании не ошибаются: католик тяготеет к единой Польше, православный к единой России. Совращение православного в латинство в том крае – тождественно ополячению. Мы разумеем здесь, конечно, не то насильственное совращение целых масс народных, при котором католицизм не пошел далее внешности и не в силах был извратить вконец – их русской природы, воспитанной историей в духе православия, этой первоначальной общей веры всего русского племени, со времени просвещения его христианством. Такие массы еще не вполне потеряны для русской народности, и г. Коялович совершенно прав, помогаясь для них названием русских, на том основании, что они – *плохие* католики. Но если

б эти русские – по происхождению – сделались усердными и ревностными латинянами, то одно физиологическое единство происхождения было бы недостаточной основой для той крепкой духовной связи, которою связуются Украина и Белоруссия с остальной Русью. «Биржевые Ведомости», в виде возражения нам, объявляют, что «православие в Западном крае восстановлено только на нашей памяти, – до того же времени в нем господствовала уния, сроднившаяся вполне с католичеством и господство которой продолжалось там слишком два с половиною века»; что тем не менее «русские обитатели края, хотя и отпадшие от православной церкви, не переставали быть русскими» и проч. Эта заметка побудила вмешаться в спор даже и «Московские Ведомости», которые не выдержали и вступились за историческую правду против петербургской газеты (объявив притом, что они вовсе не разделяют *странной* теории «Дня», – но какой теории держатся они сами – это осталось необъясненным: вероятно той самой еврейской теории г. Гордона, которой изложение помещено в «Русском Вестнике»

без всяких примечаний и оговорок со стороны редакции). «Биржевые Ведомости» этим своим ответом обличили сами себя в полнейшем незнании с историей и с положением Западнорусского края; им неизвестно, что православие *на нашей памяти* восстановлено только для остального числа униатов, которых несколько миллионов возвратилось к «древнему благочестию» еще гораздо раньше без всяких побуждений со стороны правительства и тотчас по освобождении края из-под польского гнета. До сведения «Биржевых Ведомостей» должно быть не доходило, что даже при господстве Польши и унии, значительное число русских в том крае продолжало пребывать в верности православию. «Биржевые Ведомости» по-видимому не знают, что уния была введена насильственно и никогда не оседала прочно как народное, искреннее, общественным и народным сознанием утвержденное вероисповедание, а всегда была колеблема и волнуема стремлением униатов к воссоединению с православием и противодействием окончательному окатоличению. Это-то стремление и составляет глав-

ное характеристическое содержание не только малорусской, но и белорусской истории. Про Малороссию и говорить нечего: там борьба с латинством поглотила собою всю историческую жизнь этого края. Почтенная газета видно не знает, что сама уния вовсе еще не есть латинство, а только удобный переход, устроенный иезуитами от православия к латинству, и потому не способна действовать в такой же степени на образование национального духа, как религия положительная; уния, как всякая духовная помесь, действовала вообще вредно на народный характер, но все же она настолько давала русскому жителю возможность сохранить свою русскую народность живую, насколько в самой унии сберегалась связь с вероисповеданием всей остальной Руси. «Биржевые Ведомости» с наивностью спрашивают: «Разве русские обитатели Северо-Западного русского края, хотя и отпавшие от православной церкви, переставали быть русскими и составили из себя какую-то особенную народность?»... Но с чем же воюет Россия уже столько времени, каких польских помещиков старается она отстранить от вла-

дения землю, каких польских чиновников удаляет от должностей, с какою польскою национальностью борется в Западном крае, как не с тою самою, которую, по выражению «Ведомостей», именно «составили из себя» тамошние русские, «отпадшие от православной церкви и переставшие быть русскими»? Все эти, так называемые, польские чиновники и помещики, – что они такое, как не туземцы русские, «отпадшие от православия» и ополчившиеся? Между тем – странное дело! – «Биржевые Ведомости» признают существование и поляков и польской национальности в Западной России и уж конечно назовут князя Чарторыйского поляком: но если б они задали себе вопрос, откуда же явились поляки в Западнорусском крае, они бы узнали, что поляков, кроме небольшого числа пришельцев, поляков по праву физиологического происхождения, там нет вовсе, что это все русские туземцы, которые (в том числе и волынский князь Чарторыйский) сначала отпали от православной церкви, потом окатоличились, и вследствие этого, перестав быть русскими, примкнули к польской народности и состави-

ли польский элемент в области искони русской. Советуем «Биржевым Ведомостям» прочитать внимательнее историю унии г. Кояловича и даже хоть его лекции по истории Западной России, печатавшиеся в нашей газете. Русскому публицисту выступать на журнальное поле с таким скудным запасом знания, какой обнаружен г. Трубниковым в вопросах самых живых и насущных по меньшей мере не годится...

Далее «Биржевые Ведомости» указывают нам на раскольников, отвергающих общение с православною церковью и тем не менее остающихся русскими. «Без всякого сомнения, – восклицают „Биржевые Ведомости“, – такой раскольник настолько же неправославен, сколько и другой иноверец, а иногда, быть может, и еще более!» Ну, не поблагодарят же наши старообрядцы, даже беспоповщинских толков, г. Трубникова за то, что он сравнил их с латинянами, лютеранами и назвал неправославными! Петербургскому публицисту, вероятно, неизвестно, что старообрядцы-то и именуют себя православными по преимуществу, что они действительно право-

славные и только вследствие разных невежественных недоразумений отвергают общение не с православием вообще, а с внешним проявлением православия в России со времен патриарха Никона. Старообрядцы не еретики, а сектаторы, – народная история их одна с прочими русскими; они воспитались от единой духовной трапезы; их отделило от нас излишнее и суеверное отношение к древней обрядовой стороне православия, но они сохраняют, по крайней мере, в принципе, полную верность древнему благочестию и духовному историческому началу русской народности. Что же касается до молокан, хлыстов, духовборцев, то они настолько русские, насколько, во-первых, личное их уклонение от общего вероисповедания не заглушило в них непосредственного чувства русской народности, общего им со всем остальным народом и выработанного веками его долгой исторической *православной* жизни; во-вторых, насколько их религиозные верования нейдут вразрез с жизненными и гражданскими стремлениями остальной массы русских, – и наконец, насколько они сами последовательны в своих

религиозных убеждениях и в жизни. Вообще же мы должны заметить, что проводя и излагая принцип, начало, во всей его логической строгости, мы нисколько не отрицаем возможности отдельного, одиночного факта, обусловленного разными житейскими случайностями. Иной еврей *лично* может быть несравненно нравственнее и милосерднее иного христианина, и иной христианин может быть несравненно хуже всякого язычника. Что же из этого следует? Следует только то, что и еврей, и христианин не строго последовательны в своих религиозных верованиях, что еврей уклонился от еврейских предрассудков, а христианин забыл о своем христианском призвании. Но на таком неверном и случайном отношении к своему знамени, к своему явному и гласному исповеданию веры и нравственного закона, невозможно строить ни законов гражданских, ни логических выводов о достоинстве того или другого принципа.

Но самое интересное в статье «Биржевых Ведомостей» – это именно следующее место. Мы сказали: «Хороши русские латинского,

Моисеева, Магометова закона, которые, вместе со всем русским народом, не могут называть Русь святою Русью!» Что же на это возражают нам «Ведомости»? Они возражают, прежде всего, что название это «вовсе не народное, а книжное и притом риторическое, встречающееся в театральных драмах и патриотических песнопениях!» Как виден здесь публицист, знакомый с Россией только в Петербурге и судящий о ней только по драмам Кукольника и патриотическим стихотворениям некоторых певцов? Что ему за дело до былин, песен, сказок, распеваемых и рассказываемых на всем пространстве великой Руси! Г. Трубников, видно, никогда и не слышал про *святорусских* богатырей, никогда и не заглядывал ни в один из сборников былин и песен, которых так много издано в последнее время (можем ему рекомендовать сборник Киреевского, сборник Рыбникова, Бессонова – «Калики перехожие» и пр.). Он, видно, не знает и русских пословиц и поговорок (можем ему рекомендовать сборник пословиц Даля), – наконец, никогда, видно, нигде и не жил в России, кроме Ингерманландского ее края.

Доказывать, что название «святая Русь» есть народное, а не книжное, было бы не только смешно, но и совестно: достаточно заявить только о смелом отрицании народности этого названия, как о черте весьма характеристической в нашей современной периодической печати. Все остальное, после того, становится возможным и ясным... «Русь, – возглашают „Биржевые Ведомости“, – называется ныне Россией, а вероятно, „День“ согласится, что к этому названию нашей родины прилагательное „святая“ не слишком подходит, а главное, что оно нигде и не встречается в таком соединении». Что сказать против такого аргумента? «Биржевые Ведомости», уверяя, что название *святая Русь* есть книжное, забывают, что не *святая Русь*, а именно самое название *Россия* есть книжное, официальное и не народное, и даже редко где и произносится в народе правильно (он говорит *Россия*, *Россия*, и охотнее употребляет выражение *Русь*, *Русское царство*, *русская земля*). Вероятно, по понятиям редакции «Биржевых Ведомостей», только то народно, что официально, или что народным официально, а не иначе признано. Если

же им нужно, в pendant к выражению *святая Русь* указать на иное прилагательное, *подходящее* к слову Россия, – то ведь и в книжном, и в официальном языке употребляется часто вместо «святая» – «православная Россия!» Этот довод, как ни странен он сам по себе, должен быть убедителен для г. Трубникова.

Желая во что бы то ни стало доказать, что приверженцы латинства, ислама и пр. могут быть «чистыми и истыми *по духу и убеждениям* русскими»; стремясь оправдать и узаконить выражение русские *Моисеева закона*, на которое мы напали, почтенный петербургский журналист объявляет, что «потерять право называть Русь *святою Русью* *вовсе не так прискорбно*, как это кажется с первого раза»... На это мы возражать не станем: эти слова так красноречивы, что говорят сами за себя. Пойдем далее. «Российская Империя, – продолжают далее „Биржевые Ведомости“, – как государство, *составленное из иноверных и иноплеменных народов*, обойдется, конечно, и без этого названия (*святая Русь*), не потеряв несколько своего величия и своей силы!..» Прочтя эти странные строки, подумаешь, пра-

во, что дело идет об Австрии! Как же бы иначе выразилась эта газета об Австрии, как не теми же словами, что Австрия есть государство, *составленное из иноверных и иноплеменных народов?* Так, по-вашему, Россия не цельный народный политический организм, а какой-то сочлененный, составленный агрегат, вроде искусственного австрийского *гезамт-фатерланда*, в котором по штату не полагается ни единой живой народной индивидуальности, а взамен их имеет существовать какая-то отвлеченная национальность имперская (как и называют себя там польские крестьяне в Галиции – имперцами), – национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество австрийскому императору! Вот до чего договорился наш публицист, да и не он один, а и другие некоторые журналы. Они забывают, что русский император есть государь русский, а не коллективный, что Россия потому только и Россия, что она Русь, – живое, цельное тело, а не мозаическая сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, мо-

гут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, – но весь смысл бытия, вся сила, разум, историческое призвание, весь исторический *raison d'etre* – заключается именно в *святой Руси*, над которою так подтрунивает почтенный орган биржи. По тому, как «Биржевые Ведомости» понимают и определяют *Россию*, бедная *Русь* совершенно теряется и исчезает в ней – в массе «иноплеменных и иноверных народов», в общем их растворе под видом «Российской Империи». В таком случае, уж не придумать ли и в самом деле для России нового названия, как советовал один умный человек нерусского происхождения, например, назвать ее *Петровиею*, а русских петровцами? Но если этим фабрикантам новой русской народности дороги величие и сила России, то по какому же непонятному легкомыслию не хотят они признать того, что составляет коренную основу этого величия и силы? Мы же скажем, что Русское государство только до того времени и в той мере крепко и сильно, в какой оно проникнуто духом русской народности, пока остается верным народным русским

началам, пока оно Русь. Всякое величие и сила, не на народности основанные, непрочны и шатки.

Неужели еще есть люди, которым надо доказывать, что государство, как внешний покров народного цельного организма, может быть крепко только внутреннею органическою силою?.. Неужели еще неясно, что если бы эта сила перестала действовать или почему-либо ослабела в действии, если бы от какой бы то ни было причины произошло расстройство органических отправлений или непомерное развитие одного органа в ущерб другому (например, внешнего покрова на счет всего тела), – то государство, при всем своем наружном блеске и могуществе, не представляло бы залогов истинной крепости и долгоденствия? Должны ли мы еще напоминать, что эта органическая сила – народность? Россия, повторяем, не есть совокупность разных племен и народов, сплоченных внешнею материальною связью государственного единства, не «агломерат» и не «агрегат» (по техническому выражению ученых), а живой, цельный народный организм,

развившийся и разросшийся собственной своею внутреннею органическою силою: только те посторонние тела связались и связываются с ним неразрывно, которые прирастают к нему органически, прониклись органическим с ним единством. Вообще никакое государство никогда не должно упускать из виду зерно своей жизни и силы – истинный родник, причины и основы своего исторического бытия. Кажется, едва ли нужно говорить, что в Русской Империи этим зерном, этим источником жизни и силы, этим седалищем зиждущего разума является Русь – русский народ, а не те иноверные и иноплеменные народцы, которые заслоняют для «Биржевых Ведомостей» настоящую Русь, не Остзейские провинции, не Польша и не Финляндия, как бы ни были они крепко связаны с Русью. До какой степени была полна жизни эта органическая сила допетровского переворота свидетельствуется тем, что все приобретения и завоевания *тогдашней* Руси русели сами собою, – становились тотчас же ее нераздельною частью. Было уже неоднократно указано и нами и другими, например, магометанской

Казани, которая, через 60 лет после завоевания, стояла уже с *своею* всечтимую иконою Богоматери чуть не во главе земского ополчения, поднявшегося на освобождение Москвы, на воссоздание Русского государства и государственного единства; было уже не раз упомянуто нами и о могуществе русской древней свободной колонизации.

Действие этой силы было временно приостановлено реформою Петра...

Отвлеченное государственное, механическое единство, созданное Петром, имеет ту историческую заслугу в жизни русского народа, что оно вызвало к жизни народное самосознание, заставило уразуметь духовную сущность его органических начал и оценить истинное значение живого, *не* отвлеченного единства... Напрасно думают иностранцы, что Россия существует единственно как мысль и создание Петра. Степень могущества Российской Империи всегда зависела и зависит от меры участия духовных сил русской народности во внешнем государственном устройстве России, от степени сближения правительства с народом, государства с зем-

лею (как мы это видели и в 1812, и отчасти в 1863 году). Несмотря на отвлеченность созданной Петром централизации, несмотря на разделение средоточия власти с средоточием русской земли, – только подкладка, так сказать, внутренней органической силы давала еще и дает движение и силу петровскому государственному механизму! Только Русью жила и держалась империя, несмотря на все преграды, положенные органическому действию и собственному развитию самой Руси безусловным преобладанием западной цивилизации, – господством теорий вроде теории «Биржевых Ведомостей», «Вести» и компании и, наконец, разрывом образованных классов русского общества с русским народом...